

УДК 340.12

ЕВРАЗИЙЦЫ И ПРАВО

В. В. Ячевский, Т. В. Колесникова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 26 августа 2010 г.

Аннотация: анализируется евразийство – идейное течение, возникшее в начале 20-х гг. прошлого столетия в среде русской миграции.

Ключевые слова: теория права, теория государства, евразийство, Евразия.

Abstract: in article evraziystvo – the ideological current which has arisen in the early twenties of last century in the environment of Russian migration is analyzed.

Key words: the right theory, the theory of the state, evraziystvo, Eurasia.

Сегодня, в условиях кардинальных преобразований в стране, связанных в том числе и с поиском наилучших организационных форм государственно-правовой жизни, актуальным является обращение к истории отечественной политико-правовой мысли, всегда искавшей решения этих, по сути, «вечных» для России проблем. Большой интерес в связи с этим представляет евразийство – идейное течение, возникшее в начале 20-х гг. прошлого столетия в среде русской эмиграции, которое по-своему продолжило одну из традиций отечественной мысли, нацеленной на обоснование самобытного характера российской государственности и права.

Характерным для евразийцев было восприятие России в качестве особого мира – Евразии, культура которой представляет собой своеобразный сплав европейских и азиатских элементов, с этой точки зрения в высшей степени оригинальную и целостную национальную культуру, имеющую свое обоснование также и в пространственной целостности ее «месторазвития» – в границах «России – Евразии»¹, что и предлагалось учитывать при создании оптимальной модели государственно-правового развития страны.

Ряд идей, положенных в основу евразийского учения о государстве и праве, принадлежит философу Л. П. Кирсанову, однако детальной разработке и философскому обоснованию правовой проблематики евразийство обязано другому его теоретику – ученому-правоведу Н. Н. Алексееву².

49

¹ «Культура России, – говорится в одном из программных документов этого движения, – не есть ни культура европейская, ни одна из азиатских, ни сумма или механическое сочетание из элементов той или других. Она – совершенно особая специфическая культура. Ее надо противопоставлять культурам Европы и Азии, как срединную евразийскую культуру» (см.: Евразийская хроника. Прага, 1926. С. 36).

² До революции Н. Н. Алексеев являлся профессором Московского университета, к евразийскому же учению примкнул в эмиграции, в середине 20-х гг., когда основные ориентиры движения уже были определены.

© Ячевский В. В., Колесникова Т. В., 2010

Последний и стал ведущим теоретиком евразийского права, призванного послужить основой новой государственности России.

В соответствии с обозначенной установкой евразийского движения Н. Н. Алексеев предложил следующий подход: право – без западного правосознания, – отвечающее «месторазвитию» России в его евразийском контексте. Формальную сторону – законы – предлагалось считать не столь важной, как это имело место на Западе. Важнее была «правда». «Свободное согласие, – писал Н. Н. Алексеев, – пронизало отношения между властвующими и подвластными, которые соединялись единными нравственными убеждениями, а не формальной юридической нормой. Основой государства была не «внешняя правда», а «правда внутренняя». На твердости быта, проникнутого началами православной религии, а не нормах римского права покоилось все русское государство»³. Как в свое время славянофилы, так и евразийцы, Н. Н. Алексеев апеллировал в данном случае право к идеалам «правды» и «справедливости», позволявшим праву быть «истинным», «правильным» правом.

Соответственно особенностями правосознания и культуры, по мнению евразийцев, должна строиться и специфическая для России теория права. На Западе, отмечал Н. Н. Алексеев, «по почти общепринятому воззрению, единственным регулирующим началом в государстве является право»⁴. Какими бы разнообразными, на первый взгляд, ни представлялись существующие там правовые теории, они, в конце концов, приводят к отождествлению государства с правом. В качестве примера Н. Н. Алексеев приводит суждения двух представителей европейской мысли – Г. Кельзена и Л. Дюги. Первый, как многие другие на Западе, проводит прямую параллель между государством и правом. По Кельзену, государство «является ничем иным, как единством некоторой системы норм»⁵. Более правильной Н. Н. Алексеев считает позицию Дюги, у которого общественными регуляторами являются социальные нормы. Однако при всем том, объявление нормы правовой, согласно Дюги, остается за «формальным моментом признания со стороны какого-либо общественного авторитета, все равно будет этот авторитет государственный или какой-то иной»⁶. Отсюда Алексеев делает вывод, что эта теория, по сути дела, представляет лишь другой вариант «отождествления государственного регулирования с регулированием правовым»⁷. В России же, по его мнению, «имеются «глубокие и прочно установившиеся традиции», которые «противоречат и формальной теории права, и отождествлению правового регулирования с социальным регулированием и государственным порядком в частности»⁸. Заслуживает быть отмеченным в данном случае

³ Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 271.

⁴ Там же. С. 493.

⁵ Там же. С. 495.

⁶ Там же. С. 497.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 498.

стремление правоведа выйти за рамки правовой догматики, преодолеть устоявшиеся западные образцы с целью выявить внутреннее существо права, найти его реальный критерий.

Право, по Алексееву, есть «свободная возможность к совершению каких-либо положительных и отрицательных действий, допущенных законом, обычаем или каким-либо другим источником права»⁹. Оно рассматривается им как сложно организованное явление, по своей структуре представляющееся в трех важнейших с точки зрения феноменологии характеристиках: субъект права, ценностное измерение права и идеал правоотношений.

Субъект права в его понимании не только абстрактная безликая персонa, но, что самое существенное, – существо духовное, имеющее свою духовную природу и потому определяющее духовный характер правовых установлений. Поэтому любое усовершенствование права должно начинаться с субъекта права. «До тех пор, пока носитель правового смысла и излучающееся из него правосознание не достигнут нормальной истинно-духовной жизни, порождающей нормальную и здоровую жизнедеятельность, – до тех пор и право не сможет быть совершенным»¹⁰. Подобную точку зрения разделял и Л. П. Кирсанов: «Из учения о личности, – писал он, – выясняются природа и строение культуры как личности соборной, природа государственности как формы, определяющей личное бытие этого субъекта и органичность культуры, смысл духовного и материального творчества культурo-субъекта и, наконец, отношение культурo-субъекта к своему совершенству, т.е. его религиозно-нравственная деятельность и смысл права». Таким образом, проблема личности субъекта права выступает в евразийском учении на центральное место. Выработка здорового правосознания ставится Н. Н. Алексеевым в прямую зависимость от духовного содержания личности, что в свою очередь обуславливает нормальные учреждения и институты положительного права. По убеждению Н. Н. Алексеева, духовность правовых установлений и подлинность всего правопорядка предполагает духовного правового субъекта, хотя воспитание духовного субъекта является задачей еще более сложной, чем усовершенствование права. Однако, поскольку речь идет о правовом идеале, допустимым является определенный максимализм требований.

В отличие от представителей западноевропейской философии права, которые считали, что возможность решения проблемы политического устройства не связана с моральным и духовным усовершенствованием человека, Алексеев задается вопросом: «не дошло ли европейское человечество до кульминационной точки и не настал ли момент поворота, который равносильно был бы признанию ценности другого плана – усовершенствования человеческой жизни путем усовершенствования отдельного человека как проблемы первоначальной и самостоятельной»¹¹.

⁹ Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб., 1999. С. 221.

¹⁰ Там же. С. 223–224.

¹¹ Кирсанов Л. П. Основы политики // Мир России – Евразия. М., 2003. С. 111.

Второй существенной частью правовой структуры, по мнению Н. Н. Алексеева, являются предполагаемые и защищаемые каждым порядком ценности, которые требуют правильного познания, а это связано с серьезной и глубокой познавательной (гностической) работой. «До тех пор, пока мы философским, духовным, нравственным и религиозным опытом не познали, что такое истинно святое и ценное и что в порядке ценного является высшим и низшим, – до тех пор мы не сможем решить вопрос о правильном и справедливом праве»¹².

Дело в том, поясняет Н. Н. Алексеев, что право родилось в смутном историческом потоке событий, в борьбе искаженных, злых и часто нечистых интересов. Поэтому необходимо опознать и определить те действительные, фактические ценности, которые лежали и должны лежать в его основе. В России же, отмечает он, ценности, с позиции европейского учения, складывались исторически и могут отражаться в праве адекватно или искаженно¹³. Искаженные ценности искажают нравственный облик права. В иных случаях право начинает маскировать и оправдывать те антиценности, которыми в данный момент заражено человечество. Эта ситуация затрудняет постижение человеком своих идеалов как чего-то реального и жизненно важного и толкает его на путь иллюзорных ожиданий и утопий. Несбыточная мечта о воплощении утопических проектов препятствует трудной и прозаической текущей заботе о совершенствовании

¹² Алексеев Н. Н. Основы философии права. С. 224.

Представляет интерес, что современная российская политико-правовая мысль при обращении к проблеме правового государства воскрешает эту идею противопоставления «силе учреждений» человеческого фактора. Так, Л. С. Мамут видит главное препятствие на пути создания правового государства в современной России в особой сложности формирования «человеческого субстрата», «гражданина, соразмерного по своим социальным характеристикам устройству такой государственности». Он также формулирует «императив гражданина», требующий для достижения правового идеала работы каждого над собой, политико-правового самовоспитания (см.: Мамут Л. С. Народ в правовом государстве. М., 1999. С. 105).

¹³ Именно в России, как ни в какой другой стране, отмечает Н. Н. Алексеев, сама идея ценности в западноевропейском смысле этого слова подвергается сомнению. Если ценности западноевропейской мысли – это, прежде всего, суть состояния добродетелей (состояние героизма, святости), суть блага (блага порядка, культуры, цивилизации), воплощающие идею совершенства, то идеалом русского нравственного сознания считалось уродство или юродство, в проявлениях которого абсолютизировались эмпирическая слабость, брэнность бытия. Подобную черту российского ментализма философ объяснял тем, что «русские более радикальны, нежели европейцы, и у нас речь идет не о переоценке всех ценностей, а о выходе за пределы самой идеи ценности». Ибо путь достижения абсолютного «есть путь открытия метафизической бездны, путь соприкосновения с беспредельным. Бездна души должна встретиться с бездной мира. Отсюда проистекают известные в русском философском сознании изображения душевной стихии человека, как стихии хаотической, проявляющейся в душевной трагедии русского человека, смысл жизни которого обязательно должен соприкоснуться со смыслом существования мира и всего человечества» (см.: Алексеев Н. Н. Основы философии права. С. 102).

нии правосознания и правового общения людей. Вот почему является в высшей степени плодотворным опознать, «выразуметь», по Н. Н. Алексееву, и определить те фактические ценности, которые лежали и лежат в основе положительного, исторического, действовавшего и действующего права. Наконец, мало самому опознать истину и заблуждения, нужно еще уметь освободить от заблуждений и научить истине других людей. «Нужно уметь духовный опыт познания сделать соборным опытом, считаясь с историческими условиями, построить на нем систему учреждений, которые отражали бы в себе истинно святое и ценное. Познание путей подобного воплощения ценностей или одухотворения правовой жизни и есть задача правовой тактики или правовой политики, то есть искусство реализации ценностей»¹⁴.

Выполнение всех означенных условий, с точки зрения евразийского идеолога, и должно быть положено в основу по усовершенствованию права. Достигнутый в результате такого опыта правопорядок будет правопорядком справедливым. Справедливость, как основная правовая ценность, найдет в нем свое истинное воплощение. И потому в нем истинно обоснованными окажутся права и обязанности его членов. Основные определения права найдут в нем уже не номинальное и только фиктивное применение, но будут истинными определениями тех отношений, которые в нем создадутся.

В настоящее время, отмечает ученый, философия права переживает кризис, выражающийся в удалении из нее всяких элементов научности и отождествлении ее с искусством создавать социальные идеалы. Однако нельзя допустить, чтобы философия права стала создавать идеалы как продукты иррационального, как акт веры. Поэтому необходимо создавать и исследовать идеалы, в частности правовые идеалы, с точки зрения метафизического и феноменологического подходов. Познание идеалов, их структуры и элементов не может происходить «путем провозглашения и проповеди, а должно решаться феноменологически, то есть путем адекватного опознания тех данностей, которые наблюдаются в подлежащем изучению предмете»¹⁵. Это предполагало использование феноменологического метода – метода дескрипции, т.е. описание способов полагания смысла, поиска лучших и совершенных способов, а не концентрации мысли на обеспечении причинности используемых смыслов.

Отождествление различных по сути идеалов – правовых, политических, общественных, в связи с чем и философия права (часто именуемая наукой о правовых идеалах) отождествляется с политической, государственной и социальной философией, Н. Н. Алексеев называл опасной тенденцией своего времени¹⁶. Исторически причиной этого смешения следует считать, по его мнению, философию естественного права, поста-

¹⁴ Алексеев Н. Н. Основы философии права. С. 205.

¹⁵ Там же. С. 200.

¹⁶ См.: Там же. С. 205.

вившую в свое время проблему правового государства. «Родившаяся из бурного и неудержимого стремления новейшего западного человечества к установлению на земле наиболее совершенного общественного устройства, теория правового государства связала эти искания «земного рая» с верой, что он может быть отыскан в правах и осуществлен через права»¹⁷. Отсюда, юридические формы договора, личных прав, юридических гарантий и т.п. стали панацеей для извлечения всех социальных и политических бедствий. В проблемах философии права сконцентрировалась, таким образом, вся социальная и политическая мудрость. Философия права стала как бы всеобъемлющей, общественной наукой; в качестве примера подобных иллюзий Н. Н. Алексеев указывает на «Философию права» Гегеля.

Если «Философия права» Гегеля, – отмечает ученый, – это исторический пример, то современное, столь часто встречающееся отождествление правового идеала с идеалом социальным и политическим, имеет социально-философское обоснование в работах неокантианской школы (Штаммлера и др.), где право предстает логическим необходимым элементом социальной жизни, и потому всякое усовершенствование общества объявляется неотделимым от усовершенствования права, и более того – достижение этого связывается исключительно с правом¹⁸. Подобная, свойственная западному человечеству, вера в универсальную, всеспасающую и всеисцеляющую общественную миссию права не имеет под собой оснований. Познание истинного существа общества «со всей его сложной природой и составом» не может не убедить, что «безусловное общественное совершенство» возможно только как чудо, как «чудо всеобщего преобразования», говоря философским языком, «преобразование материи жизни и духа, а не одного только правового и политического идеала»¹⁹. Невозможно достигнуть абсолютного совершенства социального целого путем преобразования – усовершенствования только одной из сторон общественного бытия. Поэтому самое совершенное состояние права не может автоматически привести к безусловному совершенству общества. Отсюда следует, что учение о правовом идеале должно отбросить «присущий ему старый утопизм и перейти к истинному, здоровому реализму». Основным в этом учении должно стать «не отыскание конечной формулы общественного совершенства (хотя и она необходима в определенной степени, ибо без нее вообще не обойтись), но указание тех действительных путей и средств, при помощи которых может быть улучшен всякий возможный правопорядок, – в полном сознании, что подобное улучшение может излечить многие болезни общества, но не в состоянии преобразовать общество в целом и довести его до состояния земного рая»²⁰.

¹⁷ Алексеев Н. Н. Основы философии права. С. 204.

¹⁸ См.: Там же. С. 201.

¹⁹ Там же. С. 40.

²⁰ Там же. С. 48.

Таким образом, правовой идеал в отличие от нравственного, религиозного и другого предполагает, с точки зрения евразийского теоретика, конкретное описание опыта, необходимого для построения права на началах правды и справедливости, и именно в этом отношении Н. Н. Алексеев понимает правовой идеал, исходя из которого должна строиться вся деятельность по усовершенствованию права.

В связи с этим одной из настоятельных задач юридической науки является создание новой, отвечающей особенностям евразийской культуры и правосознания, системы правовых понятий. В рамках евразийской теории права главное место среди них Н. Н. Алексеев отводит разработанному им понятию «правомочие»²¹ «подлинного правового ядра» в системе других. К понятию «правомочия» ученый обращается с целью преодоления противоречия, сложившегося в сфере права, где идеи должного и возможного при регулировании общественной жизни выполняют совершенно разные социальные функции. Суть «правомочия» определяется понятием «мочь», правовой статус которому, по теории Н. Н. Алексеева, придает присутствие некоторой ценности, от наличия которой простое «могу» превращается в «могу по праву» и становится правомочием. «Правомочие и есть мощь, носящая в себе ценность»²².

Содержательный характер этого понятия раскрывается Н. Н. Алексеевым в противоположении нормоустановительной (налагающей обязанности) и правоустановительной (предоставляющей правомочия) деятельности государства. Правовая норма понимается им в данном случае как положение, устанавливающее долженствование (обязанность), имеющее отношение к правомочию; правоустановительная же деятельность государства связана с принятием таких положений, которые предоставляют правомочия, т.е. свободную возможность поступать по своему усмотрению. Таким образом, установления государства имеют правовой характер, поскольку в них предоставляются правомочия; нормоустановления же имеют правовой характер, поскольку они связаны с правомочиями. Иначе говоря, по Н. Н. Алексееву, закон только тогда совпадает с правом, когда в форме закона изданы «правоустановления». В такой постановке вопроса о правомочии некоторые исследователи справедливо усматривают заслугу ученого, стремящегося преодолеть формализм и догматику правовых школ, противопоставляющих право и закон²³.

²¹ «В последующем изложении мы будем понимать под «правом» то, что называется «правомочием», т.е. свободную возможность к совершению каких-либо положительных или отрицательных действий, допущенных законом, обычаем или каким-либо другим источником права в каком-либо организованном общезнании» (см.: Алексеев Н. Н. Обязанность и право // Основы евразийства. М., 2002).

²² Алексеев Н. Н. Обязанность и право. С. 88.

²³ Теория прав Н. Н. Алексеева, по мнению И. В. Новожиной, не разрывает государство и право, а противопоставляет право и закон. Правовед, «не утрачивая связи с реальностью, не подменяя сущее должным (чем страдает, например, либертаризм), в то же время делает шаг вперед по сравнению с позитивизмом, определяя критерий права реальным, а не формальным, приближая установ-

Идея правомочия, считал Н. Н. Алексеев, в отличие от заимствованного на Западе понятия «субъективное право» самым непосредственным образом связана с жизнью русского народа, его правосознанием²⁴. Поэтому она и должна быть положена в основание иерархии правовых понятий: правомочие – обязанность (норма) – установленное право.

ленное право к идеалу» (см.: *Новоженкина И. В.* Государственно-правовое учение Н. Н. Алексеева : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2002. С. 19).

²⁴ В подтверждение этого Алексеев ссылается на изученные им народные представления о «вольностях» казацких, крестьянских и т.д. (см.: *Алексеев Н. Н.* Русский народ и государство. С. 92).

Воронежский государственный университет

Ячевский В. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права

E-mail: yachevsky@law.vsu.ru

Tel.: 8 (4732) 208-276

Колесникова Т. В., соискатель

E-mail: kyklenozhek1983@mail.ru

Tel.: 8-910-287-66-52

Voronezh State University

Yachevsky V. V., Candidate of Legal Science, Associate Professor of the Theory and History of the Government and Law Department

E-mail: yachevsky@law.vsu.ru

Tel.: 8 (4732) 208-276

Kolesnikova T. V., Post-graduate Student

E-mail: kyklenozhek1983@mail.ru

Tel.: 8-910-287-66-52